

Н. К. Эйнгорн

Моральный мир личности: норма, отклонение, патология

Мораль, как правило, ассоциируется с долженствованием, поучением, назиданием. Это нередко провоцирует протестность гордынно-го эго, проявляющуюся в ставших почти крылатыми фразах: «Я никому ничего не должен» или: «Не читайте мне морали, не учите меня жить». За этот типичный моральный скептицизм и моральный нигилизм личность платит дорогой ценой — ценой безвозвратно потерянного жизненного времени, потраченного на собственный опыт жизненных проб и ошибок. И запоздалая мудрость заставляет сожалеть: «Ах! если б молодость знала! Ах! если б старость могла!».

Печален, а для кого-то трагичен этот *pathos* несвоевременности. Именно *pathos*, который в переводе с греческого значит: страдание, боль. И неизбывным начинает восприниматься утверждение древневосточных философов: «Жизнь есть страдание». Но та же мудрость древних убеждает нас в том, что есть пути избавления от страданий и пути их предвиденья, предотвращения — возможной профилактики. Но для этого необходимо знать, не на обыденном, а на теоретическом уровне, и что такое мораль, личность, и в чем сложность и противоречивость морального мира личности, и почему путь к морально-нормальной личности затрудняется многими моральными аномалиями, девиациями и сопровождается психосоматическими страданиями, болезнями духа, души и тела.

Pathos несвоевременности — актуальная, многоаспектная философская проблема. По сути, это диагноз человека, общества, человеческого рода. Нарастает противоречие между законами и требованиями бытия и законами и требованиями социума. Это порождает своего рода «экзистенциальную шизофрению» (Антонио Менегетти), разделенный разум. Личность подчиняется социуму в ущерб своему подлинному бытию, трансцендентному плану существования. Человек ведет себя согласно существующим в обществе требованиям, а ощущение тоски и тревоги сохраняется и нарастает. Человек отчуждается от самого себя, теряет связь со своей сущностью, заданностью и истощается ощущением тоски по подлинному своему предназначению. В истории человеческого рода, в индивидуальной жизни человека работает «монитор отклонения» (А. Менегетти). Несвоевременность — одно из его проявлений.

Несвоевременность или полное отсутствие теоретической моральной рефлексии (этического познания) на разных этапах становления личности деструктивно влияет на личностные качества и на жизненную позицию. Обыденное, этически не просвещенное моральное сознание наполнено заблуждениями, иллюзиями, провоцирует завышенную самооценку моральных знаний, категоричность моральных суждений, питает моральный скептицизм и моральный нигилизм. Предупредить или преодолеть такую ситуацию помогает формирование этической культуры личности как составляющей ее морального и нравственного миров.

Автор данной статьи основывает свои научные исследования и преподавание курса этики в Уральском госуниверситете на различении этики, морали и нравственности и, соответственно, этического, морального и нравственного миров личности, этической, моральной и нравственной культур общества и личности.

Этическая культура — это культура этической просвещенности, этической компетентности субъекта. Только знание добродетелей может приводить к добрым поступкам (Сократ). В традиционном обществе эти знания черпались из строго соблюдаемых обычаев и традиций, из религиозной культуры. В рациональной морали индустриального и постиндустриального обществ все более важную роль начинает играть просвещение, образование. Растущее многообразие ценностных миров проблематизирует и усложняет ситуации морального, нравственного выбора. И только знающий, этически компетентный человек может чувствовать себя в них относительно уверенно.

Этическая культура — это нить Ариадны, позволяющая не заблудиться в запутанных лабиринтах жизни и уверенно находить спасительный выход. Это — рациональная культура теоретического морального сознания в отличие от обыденного морального сознания, укорененного в моральных чувствах и эмоциях.

Внутренний мир человека — это микрокосм, малая вселенная, он сложен и неисчерпаем, и можно только бесконечно приближаться к знанию этого мира. Моральный мир личности — это специфическая подструктура внутреннего мира человека. Его изучение предполагает единство, взаимодополнение этического и психологического анализа и позволяет структурировать моральный мир личности, выделив в нем внешний объективный моральный мир и внутренний субъективный моральный мир.

Итак, внешнее и внутреннее, объективное и субъективное, социальное и индивидуальное — три пары философских категорий, позволяющие выявить основные характеристики морального мира

личности. Начнем с внешней, объективной составляющей. Это предполагает уточнение того, что такое мораль, каков ее объективно-социальный статус.

Мораль — это специфический вид социальной регуляции, опирающейся на «человеческое в человеке»: добрый разум, доброе чувство, добрую волю. Этот вид регуляции не включает в свой арсенал материально-экономические и физически насильственные способы.

Социальное предназначение морали, ее социальная миссия — быть хранительницей общностей, быть берегиней.

В русском народном языке берегиней называли женщину, мать, хранительницу семейного очага. Роль такой берегини способна играть мораль, и не только для семейного социума, но и для народа, нации, государства, человеческого рода на планете Земля. Но воинствующий моральный скептицизм и моральный нигилизм превращают мораль в «бессилие в действии» (Шарль Фурье), препятствуют выполнению ее социальной миссии.

Специфическим катализатором воинствующего морального скептицизма и нигилизма является защита моралью объективного приоритета социального над индивидуальным, общественного над личным. От непросвещенного морального сознания ускользают очевидные истины: личность — это индивидуальное бытие социального; жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Ведь только в обществе, в общности человек получает необходимые условия жизни, развития, достижения блага, счастья. Как нелеп этот бунт непросвещенности, некомпетентности против очевидных истин. Как он патологичен и деструктивен. Как питает этот бунт конфликтность внешнего и внутреннего, объективного и субъективного, социального и индивидуального.

Типичный для современных реалий *pathos* внутренней, индивидуальной субъективности морали провоцируется ее объективным несовершенством. Оно состоит, на наш взгляд, в том, что мораль способна лишь минимизировать социальные противоречия, быть лишь антихаосной, упорядочивающей силой в повседневности. Обладая гуманистическим потенциалом, мораль содержит в себе и потенциал отчуждения.

Объективная отчуждающая способность морали объясняется тем, что будучи хранительницей общностей, гарантом социальности субъекта, являя собой сущностную тождественность с социальным, отстаивая приоритет социального, мораль выступает носителем не только социально-положительного, социально-совершенного, но и социально-отрицательного, несовершенного. В определенных ситуациях мораль становится заложницей своего, по сути, благородного

социального служения и превращается в социодицею — оправдание социального зла, оправдание социумов в их несовершенствах, патологичности. Это необходимо, например, в ситуации войны, требующей многих жертв, причиняющей тяжелейшие страдания многим поколениям людей, а не только непосредственным участникам войны. Ведь мораль героизирует убийство врага на войне, оправдывает смертную казнь социально и индивидуально опасных преступников. И только нравственность в ее духовном величии способна призывать: «Не убий никого», напоминая о надсоциальном и наиндивидуальном родовом духе и поистине универсальных, высших и вечных ценностях подлинного бытия Человека.

Именно такое проявление духовности, нравственности позволило молодому бойцу в перерыве между боями написать в своем стихотворении: «Убиваю... Душа убывает». Он не радуется каждому убитому врагу, душа его не ликует, не торжествует, а болит и убывает, истощается. Ведь каждый убитый — чей-то сын, брат, возлюбленный или муж, чей-то отец.

Это — ситуация конфликта гражданского, воинского, морального долга и чувства нравственной вины, терзаний совести. Это типичное превращение социальных конфликтов в конфликты внутреннего мира личности, в конфликты индивидуального бытия социального. Социальная моралепатия способна превратиться в индивидуальную моралепатию.

Моралепатия — специфический вид социопатии, но существующий не на ряду с другими видами социальных болезней, а представляющий ее сердцевину и сущность. В основе моралепатии — конфликт морали социума и нравственности бытия, конфликт отношения к человеку как к средству или как к цели и ценности [1].

Трудно не согласиться с бытующим мнением, что мы живем с ощущением болезни, но без диагноза. «Страждущее и мечущееся» в пространстве социальной истории человечество не только не находит успокоения, но все больше раскачивает маятник собственного разрушения и уничтожения. «Общество в целом может быть больным», — утверждал Зигмунд Фрейд в работе «Недовольство культурой». Культура и цивилизация все больше противоречат нуждам человека, вызывая «социальный невроз», «коллективный невроз». З. Фрейд убежден в необходимости «исследования патологии цивилизованных сообществ». Эту идею продолжает Э. Фромм: «От того, что миллионы людей подвержены одним и тем же порокам, эти пороки не превращаются в добродетели. От того, что миллионы людей страдают от одних и тех же форм психической патологии, эти люди не выздоравливают» [2].

Истоки индивидуальных и коллективных неврозов и психопатий находятся не в природе человека, а в конкретных противоречиях и конфликтах социума. Поэтому изучение индивидуальной психической, моральной патологии предполагает выявление социальных аномалий, деструкций, социопатий, так как «Нездоровое общество порождает взаимную вражду, недоверие, превращает человека в объект манипуляции и эксплуатации, лишает его чувства собственного «Я» [2].

Определиться человеку в бурно меняющемся мире, найти свое место в нем, полноценно реализовать себя можно при условии нормального самоопределения, осознания и принятия себя как ценности и самоценности, при адекватном отношении к собственному достоинству и чести.

Моральное здоровье и моральная патология личности нагляднее всего могут быть представлены в анализе достоинства и чести, являющих собой единство внутреннего и внешнего, индивидуального и социального. Артур Шопенгауэр определял достоинство как «внутреннюю честь», а честь — как «внешнее достоинство».

Честь — это социальное лицо человека, общественная оценка его значимости, ценности (честь — по труду, оказать человеку заслуженные почести). Честь напоминает индивиду, что он — часть других: семьи, этноса, нации, человеческого рода на планете Земля. Честь — квинтэссенция социальности и моральности индивида, гарантия нормальной социализации, гарантия социального и морального здоровья. Но реалии чести нередко далеки от эталона, нормы. В анализе аномалий чести и достоинства воспользуемся «правилом золотой середины» Аристотеля: добродетель есть «золотая середина» между двумя пороками: пороком избытка и пороком недостатка.

В основе нормы чести — признание и соблюдение в поступках объективного приоритета социального над индивидуальным, ведь очевидна истина: часть не может быть больше, значимей целого.

Порок избытка чести — это ее гипертрофия, разрушение через превышение нормы. При такой аномалии честь превращается в тщеславие, тщетную напрасную славу, завышенные и ложные претензии индивида на общественное признание и одобрение его заслуг. Как правило, гипертрофию чести питает гипертрофия достоинства.

Порок недостатка чести — это ее гипотрофия, разрушение через занижение нормы, вплоть до полного забвения и даже демонстративного асоциального протеста.

Честь — по гречески — «tim». Игнорирование, забвение, сознательное отрицание чести можно назвать атимией. Атимия — патологическое бесчестие. Оно социально опасно, так как может привести к десоциализации личности, распаду социальных связей.

↓ Для современной молодежной моральной субкультуры характерна атимия, которая на молодежном сленге называется пофигизмом, и именно в этой субкультуре родилась горделивая формула: «дискотечно-тусовочное поколение пофигистов». Внешний вид, манеры поведения, ненормативная лексика откровенно демонстрируют безразличие к тому, как воспринимают и оценивают эту позицию, это самовыражение другие, как оскорбительно для других может быть такое самопроявление и самоутверждение пофигистов-атимистов.

Опасное распространение получило в современных российских реалиях такое проявления атимии, как публичность интимного. Интимное — это глубоко личное, внутреннее, сокровенное, потаенное, «внутренняя честь». Публичность интимного — следствие тотальной сексуализации всех сфер жизни. Этому способствуют средства массовой информации, реклама, массовое искусство.

Атимия как *rathos* чести сопровождается отрицанием стыда и совести. Владимир Соловьев в работе «Оправдание добра» характеризовал стыд как первичное моральное переживание, которое характеризует отношение человека к тому, что ниже него, отношение к тварному, звериному в человеке. Стыд помогал и способен помогать «изгнанию торжествующего зверя» (Дж. Бруно) из человека. Это предостережения нам, ныне живущим, о том, в кого может превратиться человек без чести, без стыда, без совести. «Лишите человека элементарной общности, и он превратится в свирепого орангутанга», — предостерегал Герцен. Как актуальны эти предостережения! ↓

Руководствуясь «правилом золотой середины» Аристотеля, проанализируем норму, отклонения и патологию человеческого достоинства. Достоинство — это осознание, переживание и стремление реализовать ценность своего Я. Если честь акцентирует ценность для других, то достоинство — ценность для себя, самоценность. Как правило, человек как в зеркало смотрится в Другого и оценивает, чем он лучше или хуже Другого, Других.

Норма достоинства, условно «золотая середина», основана на благородном принципе равноценности достоинств, позволяющем относиться ко всякому Другому как к человеку, независимо от половозрастных и социальных различий.

«Порок избытка» — гипертрофия достоинства, его разрушение через завышение нормы, проявляется в завышенной самооценке, заниженной самокритичности, высокомерии, чванстве, хамстве и т. д. Гипертрофия достоинства имеет патологический предел — садизм. Это имя нарицательное, произошедшее от фамилии французского литератора маркиза де Сада, известного такими произведениями, как

«Философия в будуаре», «Сто двадцать дней содома» и др., в которых автор описывает, по сути, патологический гедонизм — получение удовольствия и наслаждения от сексуального насилия над другим человеком. Сегодня под садизмом понимается получение удовольствия, наслаждения от духовного, физического или сексуального насилия над Другим. Садист — субъект насилия, причиняющий боль, страдания другим и наслаждающийся этим.

«Порок недостатка» — гипотрофия достоинства, его разрушение через занижение нормы, проявляющееся в заниженной самооценке, завышенной самокритичности («самоедство»), в комплексе самоунижения, переходящем в комплекс неполноценности. Гипотрофия достоинства также имеет патологический предел — мазохизм. Это имя нарицательное, происходящее от фамилии немецкого барона Мазоха, известного произведением «Венера в мехах», в котором он описал явление, зеркально противоположное садизму. Это тоже разновидность патологического гедонизма, но с той разницей, что удовольствие от сексуального насилия получает объект насилия. Мазохизм сегодня понимается более широко — как получение удовольствия и наслаждения от духовного, физического или сексуального насилия над самим собой (объект насилия, испытывающий страдания) со стороны другого человека (субъект насилия, причиняющий страдания).

На первый взгляд, гипертрофик воспринимается как более опасный тип моральной аномалии и моральной патологии. На самом деле, неявную, но большую опасность несет в себе гипотрофик. Он опасен прежде всего для самого себя, так как представляет собой виктимную личность (от лат. *victimae* — жертва). Гипотрофик — потенциальная жертва обмана, унижения, травли, насилия, убийства. Остается сожалеть, что виктимология (наука о жертве) присутствует в основном в учебниках по криминалистике и должным образом не представлена в школьных учебниках по основам безопасности жизнедеятельности, в учебниках по психологии и педагогике.

Вторая опасность гипотрофии достоинства — опасность для других. Гипотрофик — это личность-provocateur, побуждающий других к насилию. Кроме того, гипотрофик-мазохист при определенных обстоятельствах способен трансформироваться в свою противоположность — гипертрофика-садиста, из насилуемого — объекта насилия — превратиться в насильника — субъекта насилия.

«Жизнь людей, соединенная насилием... не может быть жизнью разумных существ, — писал Л. Н. Толстой в работе «Не убий никого». Насилие — это диагноз смертельной болезни, болезни взаимо- и самоуничтожения. Общество больно насилием, и сегодня требуется

экстренная социальная терапия страдающих насилием и страдающих от насилия: «Вся Россия стонет от ужаса вырвавшихся наружу, ничем не сдерживаемых зверских инстинктов... Положение России ужасно. Но ужаснее всего не материальное положение, не застой промышленности, не земельные неустройства, не финансовое расстройство, не грабежи... Ужасно то душевное, умственное расстройство, которое лежит в основе всех этих бедствий» [3].

Признание болезни есть начало выздоровления. Но оно требует продолжения и в научных исследованиях, и в практике моральной диагностики, и моральной терапии.

Библиографический список

1. Эйнгорн Н. К. Социопатология — насущная проблема философии ближайшего будущего // Тез. 2-го рос. филос. конгресса, Т. 3. Ч. 1. — Екатеринбург, 7–11 июня 1999; Pathos бездуховности и безнравственности как проблема социальной медицины // Проблемы социальной медицины. — Екатеринбург, 1998.
2. Фромм Э. Здоровое общество // Психоанализ и культура. — М.: Юрист, 1995.
3. Толстой Л. Н. Не убий никого: полн. собр. соч. — М., 1937. — Т. 47. — С. 157.

Л. В. Епина

Социальный прогресс в фокусе русской публицистики XIX в.

Современное общественное сознание противоречиво сочетает веру в прогресс и страхи, вызванные ожиданием краха цивилизации. В предверии третьего тысячелетия стали много говорить о различных вариантах нового апокалипсиса, о возможности в будущем упадка культуры. Казалось бы, современные достижения цивилизации и ускоренное развитие науки должны были вселить еще большую уверенность в непреодолимую силу общественного прогресса в будущем. Однако уже XX в. существенно поколебал эту веру в бесконечное прогрессивное развитие человечества. О проблемах кризиса современной цивилизации и культуры говорили многие российские и западноевропейские мыслители первой половины прошлого века,